

УДК 101.1:316:115.4

О.А. Романов

канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии

Гродненского государственного университета имени Я. Купалы

**КАТЕГОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ
КАК СПОСОБЫ ОСВОЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

В статье проанализированы категории исторического пространства и времени в контексте проблемы познания и духовного освоения социокультурной реальности. Показаны национальные и цивилизационные различия в теоретическом и художественно-образном осмыслении исторического пространства и времени. Выявлена связь между идеальным содержанием данных категорий в разных культурах и способами организации в них социальной практики. Рассмотрена объективация смыслов анализируемых концептов в архитектуре и языке. Выделены типы культур по критерию восприятия времени: монохронные и полихронные. Показано значение понятия «месторазвитие» для постижения специфики восточнославянского пространства-времени. Цель статьи – раскрытие эвристического и прогностического потенциала категорий исторического пространства и времени как способов освоения социокультурной реальности. Материалы статьи могут быть использованы в преподавании курса социальной философии.

Введение

Категории пространства и времени не только являются системообразующими для философского знания, но и экзистенциально близкими каждому человеку, ибо люди живут в потоке времени и в конкретных условиях пространства и вынуждены соотносить с ними свою деятельность. Пространство и время зачастую воспринимались как грозная и неумолимая сила, которой человек не мог противостоять, и в то же время они всегда являлись условиями и способами организации труда, игры, досуга и т.д. Огромный личностный и культурный смысл пространства и времени отражен в народной культуре (сказках, былинах, песнях). Вспомним, например, образ выбора богатырем пути у камня, идею освоенного (село, пашня) и неосвоенного (дремучий лес) пространства. В народной культуре были высказаны интересные предположения о неравномерности течения времени (сказочный герой попадает к волшебнику, через малое время возвращается в свой город и обнаруживает, что все его родственники и друзья уже умерли либо глубокие старики). Осмысление этой проблемы мы находим не только в эпосе, но и в высокой культуре. Тема пространства и времени настолько важна, что всегда привлекала внимание философов и ученых, поэтов и художников, композиторов и драматургов. Ими были созданы многообразные, зачастую противоречащие друг другу теории и образы пространственно-временной организации бытия.

Для нашей темы принципиально важно отметить, что единое бытие имеет в своем составе относительно самостоятельные уровни, подчиняющиеся и универсальным, и собственным законам функционирования и развития. Такими уровнями бытия можно считать человека, природу и общество. Относительно данных уровней происходит спецификация категорий пространства и времени. Это значит, что на каждом из этих уровней их содержание наполняется особым смыслом, отличным от общих представлений о данных категориях. Иными словами, поскольку мир представляет собой иерархическое многоуровневое образование, мы можем выделять и соответствующие этим уровням специфические пространственно-временные отношения. Так, мы можем говорить о субъективно-психологическом, биологическом и историческом пространстве и времени.

Рассмотрим более предметно историческое или социальное пространство и время. Социальное время отличается от физического, которое состоит из однородных отрезков. В физическом времени минута всегда равна минуте, а год году. В историческом

времени равные отрезки могут отличаться по своей событийной насыщенности и поэтому они не равны друг другу. Например, бывают периоды, когда время как будто застывает («застой»), а бывает, что вмещает в себя столько событий, которых в иное время хватило бы на жизнь нескольких поколений. К тому же многие исследователи зафиксировали крайне важный для человека феномен ускорения темпов истории – возрастания скорости социального времени по мере продвижения от древности к современности. Поэтому историческое время – это выделенная длительность, текучесть конкретных событий с точки зрения их значения для людей прошлого и настоящего.

Социальное пространство также отлично от физического тем, что несет в себе огромный социокультурный смысл. У каждого человека есть собственное пространство жилища, труда, отдыха, представители многих народов имеют этническое и государственное пространство. Каждое из них, наряду с физическими характеристиками, имеет свой собственный смысл, который не всегда доступен представителям иного опыта и иной культуры. Например, образы родной природы, созданные в искусстве, вызывают у человека, выросшего в ней, чувства умиления, жалости, восхищения и т.п., тогда как представителя другого этноса они могут оставить совершенно равнодушным.

Социальное пространство предписывает каждому индивиду и группе и определенные способы поведения в нем. Человек, находящийся в новом для себя месте, может оказаться в смешной или нелепой ситуации, так как ему неизвестны те смыслы, которые связываются с данным пространством. Таким образом, мы живем не просто в физически-географической среде, но в особом культурно-смысловом пространстве, состоящем из различных значащих мест, оказывающих самое прямое влияние на наше сознание и поведение. Не только мы активно формируем пространство, упорядочиваем его согласно нашим представлениям о гармонии и красоте, но и оно формирует нас. Под этим углом зрения становится понятной значимость проведения грамотной градостроительной политики, созидания благоприятной среды жизни человека.

Г.С. Кнабе приводит пример особой роли и значения понимания жилого пространства, без знания смыслов которого мы просто не сможем понять другую культуру в силу временной или пространственной удаленности от нее. Так, например, римский город, который с физической, геометрической точки зрения (т.е. с точки зрения своих пространственных характеристик) отличается от иного города только количественными показателями, всегда несет в себе смысл священного города, который этими показателями никак не определяется. Место построения города «выбирается богами», и это обстоятельство порождает целую систему ритуалов как при начале постройки, так и в дальнейшей жизни внутри него как в особом, священном пространстве. Город – это закрытое пространство не только от врагов, но и от чужеземных богов. Поэтому, выходя из города, например, на войну, человек как бы теряет на время свои мирные функции земледельца и приобретает свойства воина: жестокость, ненависть и отвагу. Соответственно, возвращаясь в город, он «надевал» оболочку мирного гражданина, для чего, например, в Древнем Риме необходимо было пройти перед алтарем Януса.

Римская культура оказала значительное влияние на структурирование социального пространства в границах европейской цивилизации. Параллельные и перпендикулярные улицы, прямоугольные кварталы и большая центральная площадь во многих крупных европейских городах – это прямое наследие римской трактовки городского пространства, а еще точнее – форма организации пространства в римском военном лагере. И это не удивительно, ибо именно вокруг укрепленных римских военных лагерей начинали организовываться многие торговые и ремесленные европейские центры.

Определенные свойства локального пространства часто переносились и на понимание мира в целом (всего пространства), придавая исключительность, избранность народу, живущему в этом локальном пространстве, и его нетерпимость к другим народам.

Причем оба эти свойства человек должен был активно демонстрировать. Вместе с тем особое понимание предназначения Рима (его предопределенность быть господином мира) особым образом интерпретировало и некоторые свойства пространства. Оно представлялось «динамичным, мыслилось как постоянно расширяющееся, и расширение это было основано не только на завоевании, но на сакральном праве» [1, с. 265].

Любопытно, что в Древней Греции и Древней Индии города имели другую пространственную организацию. Например, древние индийские города имели концентрическую и лучевую организацию пространства за счет соответствующим образом расходящихся улиц. Подобную «восточную» структуру имеет и Москва. В каком-то смысле прав был русский мыслитель Г.П. Федотов, усмотревший в истории России момент борьбы между азиатской Москвой и европейским Петербургом, который, кстати, был спланирован Петром совершенно по-римски. Там все организовано параллельно и перпендикулярно [2, с. 265].

Смысловое значение пространства и времени выражено не только в архитектуре, но и в других социокультурных формах, в частности, в языке. Так, например, в русском языке три временные формы, а в некоторых других языках их гораздо больше, что дает возможность установить временную дистанцию (близость или отдаленность события), или имеются системы «относительных» времен, «дающие сложную двух- (и даже трех-) ступенчатую ориентацию, т.е. ориентирующие событие по отношению к какой-либо точке отсчета, локализуемой, в свою очередь, относительно момента речи» [3, с. 89]. Указанная особенность создает немалые трудности для переводчиков, вынужденных осуществлять интерпретацию при истолковании временных смыслов одной культуры на языке другой. Все это свидетельствует о том, что сама структура языка определяет различия в восприятии пространства и времени, и шире – мира в целом. На эту проблему связи языка и конкретной культуры обратил внимание А.Ф. Лосев, когда анализировал особенности латинского языка. Так, латинский язык в силу большого количества согласных звуков приобретает более жесткий и менее гибкий характер в сравнении с греческим, что свидетельствует «о какой-то воле и активности языкового сознания» [4, с. 29]. Это придает речи римлянина приподнятый и воинственный тон, наполняет ее синтаксис методами подчинения и рассудочности. Поэтому уже в самом языке, в его семантическом и даже фонетическом строе можно почувствовать принадлежность говорящего к вполне определенной культуре даже на уровне принятых культурных стереотипов восприятия.

Интересные идеи по поводу социокультурной обусловленности восприятия пространства и времени предложил российский исследователь Г. Гачев. Проведя филологический анализ интересующих нас понятий в ряде европейских языков, он показал, что во французском языке пространство имеет смыслы «распространение – протяжение – растекание некой полноты». В русском языке есть сходные смыслы, где пространство означает широту, простор. А в немецком языке Raum связывается с понятиями чистоты, пустоты и наличия четких границ. Эти смыслы слышны даже в фонетике немецкого понятия. И поэтому, делает вывод Гачев, Декарт не хотел измерять пространство, как это делали представители другой культуры – Кеплер или Галилей. Для него пространство – это растекание как таковое и вовсе не важно куда. Тогда как для германца важнее понять сам адрес этого растекания. А это разные предпосылки объяснения мира. «Итак, по Декарту, важнее вытяжение, чем куда вытягиваться: само вытяжение и творит себе “место”». В германстве же важнее и интимнее – Дом бытия: со стенами и пустотой внутри – для жизни, воли, души, духа» [5, с. 22]. Ньютон же, напротив, пошел по пути разрыва материи-полноты и пространства. Он «собрал ее в сгустки – города частиц: тела с определенными массами. Далее и их упразднил, заменив математическими точками в центре тяжести тел, так, что и понятие массы лишилось совсем сво-

его, самостоятельного смысла, а стало лишь коэффициентом» [5, с. 23]. В отличие от мифопоэтического представления мир в физической картине, стал бессмысленным, измераемым и ограниченным пространством и временем.

Не менее важны языковые различия в фиксации понятия времени. В английском языке данное понятие, так же как и «пространство», происходит от слова «простира́ть», в латинском – от слова «тяну́ть» (вспомним русское выражение «тянуть время»), а у немцев «другое понятие времени – как рубленого отрезка: время – срок; это вечность – тянется, длится» [5, с. 24].

Российский философ В.В. Миронов, опираясь на изыскания историков и лингвистов, предлагает интересное понимание смысла русского понятия «время». Он пишет, что русское слово «время» состоит из двух слов: древнейшего индоевропейского корня *g-ag* (вращать, крутить, упорядочивать, творить, где везде, кстати, этот древнейший сакральный корень прослушивается) и «мя», т.е. буквально слово «время» означает «то, что вращается вокруг меня». Здесь подчеркивается присутствие субъективного начала в восприятии временных отношений [6, с. 212].

Рассмотрим значение пространства и времени в исторической судьбе этносов и культур. В научной литературе налицо различие культур по принципу восприятия времени и отношения к нему. Так, можно выделять полихронные (синхронные) и монокронные культуры (Э. Холл). В отличие от полихронных культур (Россия, Латинская Америка, Ближний Восток, Африка), где человек настроен на достижение нескольких равноважных целей одновременно, в монокронных культурах (преимущественно это культуры Запада) акцент ставится на последовательности в достижении целей. Поэтому, например, опоздание в культурах Востока не считается прегрешением (в отличие, скажем, от культуры США).

Белорусский исследователь Ю.В. Чернявская, проанализировав значение исторического времени в составе национальной культуры, показала, что внутренний стиль его восприятия предпосылает человеку особые типы мировидения и поведения. Человек, социализировавшийся в монокронной культуре, будет в большей мере «отделён» и от людей, и от событий, более «монадообразен», более прагматичен, нежели человек полихронной культуры. Жизнь «полихронного этнофора», напротив, связана с многослойной сетью отношений, где семейные связи вмешиваются в работу, где развито «местничество», где чрезвычайно значима лояльность группе и патрону. Не случайно такие культуры имеют более коллективистский характер. Полихронным же культурам свойствен более континуальный, слитный образ внешнего времени. Время для них – наглядный, живой, цветной поток причастности. Время монокронной культуры более «пространственно»: оно разделено на ячейки, каждая из которых заполняется свойственным только ей содержанием. В этом смысле этническая культура, избирая определенное отношение к времени, порождает и собственную самобытность.

Поскольку монокронная культура делит время человека и общности по принципу ячеек, тип ее культурной памяти выражается в кумулятивной истории и в идее прогресса как в апогее истории. В отличие от нее культура полихронная склонна объединять разновременные пласты истории в непреходящей «длительности» события людей. Поэтому эти два вида времени создают разные типы субъективности и интерсубъективности. Большинство исследователей определяют их как линейный – однажды возникший и устремляющийся в финалу (прогрессистское мировидение) и циклический – кружение вокруг вечного, сакрального «сюжета» культуры (мифологическое мировидение) [7, с. 180].

Не менее важны и те смыслы, которые содержит в себе идея исторического пространства. Ее значение прекрасно показали евразийцы, предложив категорию «месторазвитие». Категория месторазвития позволяет показать единство социально-временного

аспекта бытия народа с аспектом социально-пространственным, который характеризуется отношением социального субъекта к внешнему миру, к его «вмещающему ландшафту». Евразийцы впервые показали, что социальное время и социальное пространство в существовании и деятельности этноса различимы только в абстракции, так как в реальности они представляют собой диалектическое единство, которое мы по аналогии с квантовой механикой рискуем назвать социальным пространственно-временным континуумом. Подобно тому, как в квантовой механике нельзя отделить время от пространства и далее от вещества и поля, в социальной жизни нельзя отделить социум от социального пространства и времени. Таким образом, в теорию географической среды внесено существеннейшее дополнение: речь идет не только о влиянии последней на социум (Монтескье) и об обратном влиянии (Гердер), но (и это главное) о слиянии в единое целое социально-исторической среды и ее территории.

Категория месторазвития играет ключевую роль в евразийском понимании истории России–Евразии, особого мира, особой культуры, особой судьбы евразийского социума. По убеждению евразийских теоретиков, месторазвитие евразийской культуры, значительно отличающееся от европейского и азиатского месторазвития соответствующих культур, предопределяет и культурно-исторический тип цивилизации, возникшей и совпадающей с территорией Российской империи и почти повторяющей ее территорией Советского Союза. Именно в этом месторазвитии существует евразийская цивилизация, отличная как от европейской, так и от азиатской, в котором, как в громадном горниле, сплелись судьбы этнически разных составляющих. Не этнические, не конфессиональные, не экономические принципы являются главенствующими в этом пространственно-временном социальном континууме, а синтетический принцип месторазвития «стяжает», объединяет различные социальные организации.

Методологическая роль категории месторазвития весьма значительна не только для периода 1920-х гг., когда она впервые была введена в научный обиход, но и сегодня. Именно эта категория, хотя и под другим названием, является центральной в современной геополитике, к основоположникам которой с полным правом можно причислить и евразийцев. Именно евразийцы первыми обратились к геополитике как к науке, именно они основали русскую школу геополитики. Евразийская доктрина, по мнению А. Дугина, доктрина во многом геополитическая, а идеологи евразийцев достигли в этой области столь важных и высоких результатов, что их вполне можно поставить в один ряд с классиками геополитической науки Хэлфордом Макиндером, Альфредом Мэхэном, Видалем де ла Блашем, Карлом Шмиттом, Карлом Хаусхофером, Николасом Спикменом и т.д. Здесь же заметим, что с неменьшим основанием евразийцев можно считать и основоположниками русской экологии, ибо именно они, рассматривая взаимодействие социального субъекта во взаимообусловленном существовании с социальным пространством, подчеркивали, что социальный субъект не только «усваивает» и делает социальное пространство «частью своего жизненного мира», но и тревожится о нем как о «своем внешнем теле».

Заключение

Таким образом, говоря о социальном пространстве, надо обратить внимание и на проблему территориально-культурной идентичности, которая в нем формируется. Территориально-культурная идентичность – это переживаемые и осознаваемые смыслы культурно-географической реальности. Они формируют «практическое чувство» и осознание «почвенной» сопричастности к определенной территориальной общности как специфическому жизненному пространству. Эта идентичность устанавливается как результат двух процессов: объединения и различения. Чтобы идентифицировать территориальную культурно-цивилизационную общность, её необходимо для себя «опреде-

лить» и одновременно отделить от других общностей. Поэтому истинное значение такой идентичности предполагает все сходства и различия, объединения и противопоставления общественной жизни.

Территориальная культурно-цивилизационная идентичность связана со специфическим пониманием территории, переживанием индивидом её культурных и цивилизационных обстоятельств и черт. Они характеризуют данную территориальную общность как ментально «свою». В силу идеального «перевоплощения» себя в члена территориальной общности, обстоятельства её существования и сама эта жизнь в совокупности различных аспектов приобретает личностный смысл.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кнабе, Г. С. Историческое пространство Древнего Рима / Г. С. Кнабе // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – М. : Индрик, 1993. – 527 с.
2. Федотов, Г. П. Три столицы / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры). – М. : ДАРЪ, 2005. – 492 с.
3. Маслов, Ю. С. Время / Ю. С. Маслов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 89.
4. Лосев, А. Ф. Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н.э. / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во МГУ, 1979. – 416 с.
5. Гачев, Г. Д. Наука и национальные культуры / Г. Д. Гачев. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 316 с.
6. Миронов, В. В. Онтология и теория познания : учебник / В. В. Миронов, А. В. Иванов. – М. : Гардарики, 2005. – 447 с.
7. Чернявская, Ю. В. «Этническое время» в хронотопе народа / Ю. В. Чернявская // Человек. – 2006. – № 1. – С. 78–85.

Рукапіс паступіў у редакцыю 05.05.2015

Romanov O.A. Categories of Historical Space and Time as the Ways of Mastering Sociocultural Reality

The article deals with the categories of historical space and time within the context of perception and spiritual mastering of sociocultural reality. The author shows national and civilizational differences in theoretical and artistically imaginative comprehension of historical space and time. The article reveals the interconnection between the contents of these categories and the ways of organization of social practices in different cultures. The author considers the objectivities of meanings of analyzed concepts in architecture and language. Types of cultures according to the ways of time perception are distinguished as follows: monochromic and polychromic. The article underlines the notion of «area of development» for better understanding the specific character of the east-Slavic space and time. The objective of the article is to reveal the heuristic and prognostic potential of the categories of historical space and time as the ways of mastering sociocultural reality. Obtained results can be used in course of social philosophy.